

Юсупова Нурфия Марсовна

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В ЛИРО-ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА: РОЛЬ, ФУНКЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья раскрывает трансформацию мифологических образов и сюжетов в лиро-эпических произведениях начала XX века с точки зрения их функций, роли и художественного значения. Научная новизна определяется иным подходом к изучению мифологических сюжетов и образов в структуре модернистских поэм: в ходе исследования акцентируется внимание на их использовании в роли символа как структурообразующего компонента. Кроме того, выявляется, что такая модель стала импульсом для формирования явления "антижанр", который является старой формой в новой функции, в результате выделяется два вида антижанра в татарской поэзии данного периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 211-214. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. Шәмсетдин Зәки шигырьләре / тәз. З. Мөхәмәт хими // Башкортстан Фәннәр академиясенә Уфа тарих, тел һәм дин институты гыйльми архивы. Ф. 3. Т. 63.
8. Юсупов А. Ф. Заимствованные имена прилагательные в языке татарских суфийских произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 214-217.
9. Юсупов А. Ф. Многовариативность старотатарского языка XIX века // Филология и культура. Казань: Казанский ун-т, 2012. № 3 (29). С. 99-103.
10. Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 219-222.
11. Юсупова Н. М. Синтез различных культурных пластов в символизме у татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. С. 217-219.
12. Cebecioğlu Ethem. Tasavvuf terimleri ve deimleri sözlüğü. 5 Basım. İstanbul, 2009. 302 p.

ON SUFI TERMINOLOGY IN LANGUAGE OF TATAR POETRY IN THE XIX CENTURY

Yusupov Airat Faikovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
faikovich@mail.ru

The article is devoted to the study of the Sufi terminology by the material of the Tatar poetry of the XIX century and the revelation of peculiarities of its usage. The scientific novelty is defined by the fact that the problems of translation of the Sufi terms from Arabic into Tatar are touched upon; the Turco-Tatar variations of the certain terms are given. The conclusion is made upon the Sufi terminology in the Tatar poetry is experiencing the transformation and some peculiar terms are present in the poetic works in the form much distant and detached from the initial ones of religious Sufi origins.

Key words and phrases: sufism; Tatar poetry; language of Sufi works; Sufi terminology; borrowings; vocabulary.

УДК 82:801.6

Филологические науки

Статья раскрывает трансформацию мифологических образов и сюжетов в лиро-эпических произведениях начала XX века с точки зрения их функций, роли и художественного значения. Научная новизна определяется иным подходом к изучению мифологических сюжетов и образов в структуре модернистских поэм: в ходе исследования акцентируется внимание на их использовании в роли символа как структурообразующего компонента. Кроме того, выявляется, что такая модель стала импульсом для формирования явления «антижанр», который является старой формой в новой функции, в результате выделяется два вида антижанра в татарской поэзии данного периода.

Ключевые слова и фразы: образ-символ; мифологический образ; мифологический сюжет; трансформация; функция; смысловая нагрузка; татарская поэзия; антижанр.

Юсупова Нурфия Марсовна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В ЛИРО-ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА: РОЛЬ, ФУНКЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ©

Татарская поэзия начала XX века – период формирования новой светской литературы, активного поиска новых приемов и средств художественной выразительности, обогащения содержания и формы литературного произведения – характеризуется усилением символического мышления. В целях совершенствования словесного искусства национальная поэзия вырабатывает свою собственную систему условно-метафорических образов, весьма богатый арсенал символов, отражающих национальное своеобразие, специфику татарской культуры и этнические корни. Такая тенденция способствует активизации мифологических образов и сюжетов. Как утверждает Е. М. Мелетинский, мифологизм является характерным явлением литературы XX века и как художественный прием, и как стоящее за ним мироощущение [4, с. 35]. В татарской поэзии данного периода наблюдается использование мифологических образов и сюжетов в статусе символа, как и в русской литературе, миф выступает «как универсальная модель для построения символов» [7, с. 161].

Это связано, по нашему мнению, в первую очередь, с формированием в татарской поэзии начала XX века символизма и усилением роли символа как структурообразующего компонента в произведениях. «Развитие символизма также шло под знаком не только ее решительного обновления, «модернизации» форм, творческих

экспериментов и новаций, но одновременно – и «возврата» к первоистокам, восстановления и расширения общекультурных оснований творчества, в стремлении приживить «дичок» современной художественной мысли к древним началам национальной... культуры» [11, с. 217]. В татарских модернистских поэмах, созданных, прежде всего, в 1910-1916 гг., объектом повествования выступают мифологические образы и сюжеты, принадлежащие к различным источникам, временам, отличающиеся по своему происхождению, мировосприятию (языческому или исламскому). Как известно, татарская поэма в своей эволюции прошла путь от романтизма к реализму, а в начале XX века, особенно в творчестве молодых авторов, активизируются модернистские поэмы. В результате на первый план выходит мифотворческое начало, преобразованное в соответствии с новыми эстетическими и социальными представлениями.

На фоне активизации национальной идеи многие символы обогащаются новыми оттенками, приобретают смысловую нагрузку, выражающую идею национального самовыражения, самоосуществления. Такая тенденция намечается и в смысловой нагрузке мифологических образов и сюжетов. Они дополняются социальным и национальным содержанием, становятся символами и средствами по раскрытию отношения лирического героя к национальным проблемам, центральным становится концепт этнической идентификации. Например, в поэме «Баллада» («Орда», 1917) Г. Рахима образ мифологического татарского парня символизирует татарский народ. Романтический герой после сражений ищет покой в небе и в небесном царстве встречается с Девушкой, символизирующей красоту: *«Баскыч буйлап моңар таба югарыдан төше бер кыз. Мех-бөтле караи белен карый моңар бу матур кыз. Киген киеме бу гүзельнең һава кебек зәңгәр атластан, алтын таҗы башындагы, тукылган якут-алмастан»* [9, б. 263] / *По лестнице сверху спускается к нему девушка одна. Смотрит на него взглядом, полным любви. Одежда на ней из голубого, словно небеса, атласа, золотая корона на голове украшена рубинами и бриллиантами (перевод автора – Н. Ю.)* По мнению автора, всякое зло можно победить красотой и любовью. В поэме «Яу» (1915) [Там же, б. 264-265] описывается поле боя, память о которой хранят только безграничная степь и высохшее озеро. Степь как основной компонент хронотопа выступает в качестве связующего моста между прошлым, когда гремели бои, погибали люди – рабы тщеславия, и настоящим, где никто об этих войнах не помнит и не думает о гибели, к которой ведет беспечность [6, с. 85]. Автор, проследив историю татарского народа, подчеркивает, что татарский народ не помнит трагические страницы своей истории, в результате чего повторяет ошибки предков.

В поэме «Айсылу» (1916) Ф. Бурнаша мифологический сюжет также предстает как источник национальной идеи, но представляет противоположную концепцию служения народу [9, б. 40-48]. Айсылу с помощью доброго старца пробуждается от многолетнего сна и отправляется на поиски своих национальных корней, образ доброго старца представляется модификацией архетипа Мудрого Старца. В структуре текста Айсылу воссоздает образ татарского общества, предстает как символ нации. Образ доброго старца воспринимается как образ спасителя нации и спасителя человечества в целом, он становится посредником добра и зла, возводится в статус хранителя эмпирического опыта татарской нации.

В поэме Б. Мирзанова «Жен туе» / «Свадьба джиннов» (1915) [Там же, б. 230-239] известный из народного творчества сюжет и мифологический образ джина выступают также средствами выражения отношения к национальным вопросам. В произведении мифологический сюжет, через который выражается авторская позиция, и реальные жизненные события героя представляют два пласта. Жизнь джиннов в структуре текста создаёт модель идеальной жизни, она приравнивается к райской жизни. Их страна прекрасна, их дом – огромная пещера в горах – необычайно красив, живущие в этом доме девушки-джинны очаровательны, возле дома поют соловьи, с неба, как водопад, льются лучи света. К тому же господствуют свобода, братство, нет места лицемерию, упадническим настроениям. Как известно, такая модель в татарской литературе данного периода соответствует мечте о свободной жизни нации. В этом плане любовь предстает как источник всеобщей гармонии. Любовь, с одной стороны, объединяет нацию, с другой стороны, придает смысл земной жизни; поющий соловей позволяет осознать эту особенность мироздания. В таком ракурсе луч света отображает божественную красоту и духовное совершенство. Два образа жизни призвана соединять зимняя белая дорога, но она теряется в темноте. Автор повторяет: путь нации к идеалу труден и тернист.

Обращение к мифологическим образам и сюжетам обусловлено также стремлением поэтов выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки в целях выявления общечеловеческого, философского содержания. В новом культурно-историческом контексте общеизвестные исламские и языческие мифы и легенды «подвергаются осовремениванию, приобретая национально-психологические характеристики занимающего народа. Этим объясняется отсутствие границ между хронотопом мифа и эпохи, чем обуславливается связь поэм с современностью» [5, с. 9]. Подобная тенденция намечается и в лиро-эпических произведениях: татарские поэты начала XX века пользуются мифом как способом выражения своего философского отношения. В этом ракурсе мифологические образы и сюжеты воспринимаются «основным средством изложения философской концепции» [2, с. 86] поэтов, оформляя сквозные творческие мотивы, становятся предметом стилизации и своеобразным кодом типа культуры, определяющим дуплановость содержания.

Кроме того, как замечает Д. Загидуллина, «"мифологизация" литературы может быть примером внешне-го синтетизма в литературе. Стремясь осмыслить современные события в их исторической перспективе, в проекции на прошлое и будущее, писатели начала XX века обращаются к мифологическим образам и сюжетам» [Там же, с. 20]. Как пишет М. И. Ибрагимова, в каждой национальной литературе есть свои «мифологические традиции» – особо часто используемые мифические образы и сюжеты [3, с. 39]. Поэмы Г. Сунгати «Хозер» («Святой», 1915) [9, б. 334-348], Ш. Бабича «Газазил» (1916) [Там же, б. 19-27], М. Гафури «Ад м

в Иблис» («Адам и Демон», 1910) [Там же, б. 101-118], Б. Мирзанова «Жен туе» («Свадьба джинов», 1915) [Там же, б. 230-239], Г. Хариса «Өр к» («Приведение», 1915) [Там же, б. 381-385], где в качестве основных героев выступают исламские (Джин, Демон, Хозыр) и тюрко-татарские языческие (Водяная, Убыр, Приведение) мифологические образы, доказывают вышесказанное. Как уже известно, «исламская философия оказывает решающее влияние и на формирование религиозной картины мира...» [10, с. 220] и на образную систему национальной литературы. В связи с этим в литературе данного периода характерна устойчивость обращения к религиозно-мифологическим образам; такая тенденция сохраняется вплоть до 1920-х гг. И в исследуемых нами модернистских поэмах в качестве главных героев повествования выступают такие религиозно-мифологические образы, как Адам, Дьявол Иблис, Святой Хозыр.

Возьмем, к примеру, поэму «Газазил» (1916) [9, б. 19-27], где Ш. Бабиш прибегает к общеизвестному религиозно-мифологическому сюжету изгнания Демона с небес. Произведение задумано как пародия на произведения средневековой литературы о житиях пророков – кысса-анбия. В сюжетной основе лежит конфликт между Богом и Демоном, и начинается он с принятия решения о низвержении Демона на землю, основной причиной которого являются непокорность и нежелание подчиниться Богу своему, и автор последовательно прослеживает события, связанные с его деяниями.

В рамках произведения история Демона не является лишь аллегорическим изображением жизни и, поднявшись до уровня поэтической доминанты, превращается в символ, выражающий авторскую позицию. Образ Демона в суфийской и религиозной литературе изображается как символ абсолютного злодея, управляющего человеческими инстинктами; с другой стороны, трактуется как несчастное существо, пострадавшее за свою веру в единого Бога [8, с. 156]. В татарской литературе Демон представляет собой символ зла, ставший традиционным. В поэме «Газазил» он воспринимается как символ злодея, сбивавшего людей с истинного пути. Кроме того, в структуре текста Демон прочитывается как символическая модель типических, распространенных обстоятельств, модель зла общественной деятельности, утери божественного начала на земле, безнравственности.

В поэме философские мотивы занимают целый пласт, философские размышления о существующей действительности переплетаются с размышлениями об общечеловеческих законах бытия. Отсюда конфликт между Богом и Демоном ассоциируется с конфликтом двух начал – добра и зла и намечает несколько законов бытия. Во-первых, добро и зло воспринимаются как части единого целого: автор утверждает, что добро для одних может обернуться злом для других, и наоборот. Во-вторых, зло и страсть (искушение) противопоставляются вере и совести. По мнению Ш. Бабиша, каждая человеческая душа подвержена искушению от Демона, дьявола, и зло имеет место в душе каждого человека, развращая его. В-третьих, через противопоставление прошлого и настоящего намечается ещё одно философское обобщение: зло является неким трансцендентным законом, концентрирует в себе космическое зло.

В-четвертых, через мифологический сюжет о том, что Газазил принёс с собой с неба луну, а ангел Джбрил, превратившись в птицу, украл её, выдвигается ещё один закон бытия: недостижимая мечта человека, его идеал – бессмертие. Но стремление к бессмертию автором интерпретируется как дьявольское искушение, так как именно осознание конечности бытия – единственное средство, заставляющее человека подчиняться религиозным и общечеловеческим законам.

В поэме ещё одна линия сюжета оценивает проблемы общества и нации. Аллегорическое описание восшествия Демона на престол и подчинение себе всех джинов-шайтанов символизирует атрибуты, характерные для любой власти: проявление покорности господину, благодарственная речь достигшего власти, размахивание флагами и т.д. Кроме того, в целях высмеивания бессмысленных деяний своей эпохи автор обращается к сатирическим элементам. Само сошествие Демона на землю описывается в юмористических деталях: его раздевают, ставят на лоб печать, приделывают ему огненный хвост и на длинной цепи сбрасывают с неба. Описание изгнания Демона, изображение собрания, где Газазил избирается главой всех джинов, пение хором «Марсельезы», благодарственная речь «избранного», жонглирование флагами воспринимаются также в данном ракурсе. Описание пира приводит к выводу: только безнравственные люди стремятся к власти в целях реализации своих коварных намерений.

В таких произведениях наблюдается ещё одна тенденция: сюжеты и образы, восходящие к мифологическим традициям, изменяют свою природу и содержание. Такая модель демонстрирует функционирование в татарской поэзии данного периода явления «антижанр», укоренившегося в мировой литературе. Как показывают Т. Давыдова и В. Пронин, антижанр является старой формой в новой функции. Его художественная структура наполняется, по сравнению с исходным жанром, содержанием с противоположной идейной направленностью, так как он ставит под сомнение ценность идей, воплощаемых, как правило, в произведениях исходного литературного жанра. Выделяется два вида антижанра: комические, пародийные антижанры и серьезные, или непародийные антижанры [1, с. 60-63]. Такие жанровые разновидности наблюдаются и в татарской лиро-эпической поэзии. Так, поэмы Ш. Бабиша «Газазил» (1916), М. Гафури «Ад м в Иблис» («Адам и Демон», 1910), Б. Мирзанова «Жен туе» («Свадьба джинов», 1915) являются примерами пародийного антижанра, а произведения Г. Сунгати «Хозер» («Святой», 1915), Г. Хариса «Өр к» («Приведение», 1915) – серьезного антижанра.

Таким образом, в татарских лиро-эпических произведениях начала XX века наблюдается использование мифологических образов и сюжетов в статусе символа. Через них формируется представление о национальных проблемах, вырабатывается новая социально-философская концепция, которая объединяет национальную идею и общечеловеческую философию. Кроме того, такие произведения обогащают национальную поэзию новой жанровой разновидностью – антижанром.

Список литературы

1. Давыдова Т. Т., Пронин В. А. Теория литературы: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 232 с.
2. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татарское книжное издательство, 2013. 207 с.
3. Ибрагимов М. И. Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики. Казань: Gumanitaria, 2003. 62 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 235 с.
5. Нямцу А. Е. Миф и легенды в мировой литературе: Теоретические и историко-литературные аспекты традиционализации. Черновцы: Черновицкий госуниверситет, 1992. Часть первая. 160 с.
6. Хабибуллина Л. Р. Диалектика развития татарской поэмы начала XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 8. С. 83-89.
7. Шелогурова Г. Об интерпретации мифа в литературе русского символизма // Из истории русского реализма конца XIX – начала XX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. С. 159-171.
8. Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М.: Алетейа; Энигма, 2000. 416 с.
9. Эпик шигърийат: XX йөз башы / төз. Ф. З. Яхин. Казан: «Х тер» н шр., 2002. 463 б.
10. Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 219-222.
11. Юсупова Н. М. Синтез различных культурных пластов в символизме у татар (на материале произведений Дардменда) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. С. 217-219.

**MYTHOLOGICAL IMAGES AND SUBJECTS IN LYRICAL EPICS
OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: ROLE, FUNCTIONS AND ARTISTIC MEANING**

Yusupova Nurfiya Marsova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University
faikovich@mail.ru

The article examines the transformation of mythological images and subjects in lyrical epics of the beginning of the XX century from the viewpoint of their functions, role and artistic meaning. Scientific originality is singled out by a different approach to the investigation of mythological subjects and images in the structure of modernistic poems: during the research the author accentuates on their functioning in the role of a symbol as a structure-forming component. Besides, the paper argues that such model became a stimulus for developing the phenomenon of “anti-genre”, which is an old form in a new function. Summing up the results, the author distinguishes two types of anti-genre in the Tatar poetry of this period.

Key words and phrases: image-symbol; mythological image; mythological subject; transformation; function; semantic meaning; Tatar poetry; anti-genre.

УДК 8,81.2.22

Филологические науки

В статье ставится задача рассмотреть разговорно-литературную и просторечную лексику, использованную известным марийским поэтом Валентином Колумбом в своих произведениях. Его творчество оказало огромное влияние на марийский литературный язык во второй половине XX века, но до сих пор является недостаточно изученным. Лексико-стилистический анализ языка поэзии В. Колумба дает возможность выявить особенности употребления разговорно-литературной и просторечной лексики, что позволяет, в свою очередь, определить лексико-стилистические возможности современного марийского языка.

Ключевые слова и фразы: литературный язык; разговорно-литературная лексика; просторечная лексика; стилистическая окраска; стилистический оттенок; переносное значение; синоним.

Яндакова Елена Леонидовна, к. филол. н.
Марийский государственный университет
jandar78@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗГОВОРНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ
И ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. КОЛУМБА©**

В связи с развитием литературного языка очень многие элементы разговорно-бытовой речи входили и входят в литературный язык. Разговорная лексика является одним из основных источников пополнения словарного состава литературного языка. Однако далеко не все слова, принадлежащие разговорной речи, входят в состав литературного языка. Большая их часть так и остаётся лишь характеристикой устной речи и языка писателя. Это мы можем наблюдать и в процессе становления марийского литературного языка. Многие